

«Чубаровское дело»: теория, политика и коллективная чувственность на закате раннесоветской эпохи¹

Игорь Чубаров

«21 августа в 10 час. вечера работница пуговичной фабрики Любовь Б-ва проходила по Чубарову переулку, направляясь на Тамбовскую ул. к своей знакомой. Недалеко от угла Предтеченской на нее вышли трое неизвестных Б-вой хулиганов, которые схватили ее за руки и за плечи. Сразу же вслед за тем к нападавшим присоединилась большая группа неизвестных Б-вой людей. В руках у некоторых из нападавших были ножи и кинжалы. Б-ву окружили, накинули на лицо какую-то тряпку и повели...

Толпа, схватив Б-ву, подошла к пролому ограды сада б. Сан-Галли. Ее заставили пролезть в сад. Полагая, что нападение проведено с целью ограбления, Б-ва стала снимать пальто, чтобы отдать его нападавшим, но ей велели лечь на землю. Когда она отказалась, кто-то из нападавших сильно ударил ее в ухо; другие подбили под ноги, и Б-ва упала, потеряв сознание.

Затем толпа нападавших принялась поочередно насиловать Б-ву. Насилование продолжалось 4-5 часов. Б-ву 4 раза перетаскивали с места на место. Несколько раз она приходила в себя и вновь теряла сознание. Насиловавшие истязали Б-ву и всячески над ней издевались. Приходя в сознание, измученная и разбитая Б-ва умоляла отпустить ее. На это бандиты отвечали всякими циничными выкриками. Опасаясь, что насильники могут убить ее, Б-ва начала симулировать проститутку – просила пива, сообщила свой адрес. Когда в темноте насильники зажигали спички, Б-ва вглядывалась в лица хулиганов, чтобы впоследствии иметь возможность их уличить.

Затем Б-ва была выведена за ограду сада. С нею еще почти до 3 час. ночи оставалось двое насильников, которые следили за тем, чтобы она не пошла в милицию жаловаться. Только появление на улице постороннего гражданина Нелюбшиса дало ей возможность уйти от

насильников. С помощью Нелюбшиса Б-вой удалось дойти до ближайшего милиционера и заявить о случившемся». (Из обвинительного заключения к материалам судебного дела).²

Фрагмент фильма 1930 г. «Суд должен продолжаться»
(реж. Ефим Дзиган, Борис Шрайбер)

Уголовное расследование, суд и приговор, последовавший за этими событиями 1926 года в Ленинграде, привели к смертной казни 5 рабочих завода «Кооператор» (быв. Сан-Галли), а остальные 21 получили от года до 10 лет Соловков. Многие из осужденных были комсомольцами, а один – брат главаря банды Павла Кочергина – даже главой комсомольской организации этого же завода. Присутствовал среди осужденных и кандидат в члены партии. Суд состоялся только зимой 1926 года, а до того история эта активно освещалась в комсомольской прессе Ленинграда и Москвы. Журналисты дошли даже до интервью с потерпевшей – Любовью Б. Делу было дано ставшее нарицательным имя «чубаровского», а хулиганов-насильников стали называть «чубаровцами».

Надо сказать, что имя жертвы и обстоятельства этого знакового преступления, к которому до сих пор часто обращаются в сети, нещадно перевираются, тем более его социально-политическая этиология³. Кстати, сам сад Сан-Галли сохранился до сего дня, но изменился разве что со стороны Лиговского проспекта, со стороны Транспортного переулка (быв. Чубаро-

ва) и ул. Черняховского (быв. Предтеченской), он столь же мрачен и запущен, как и 90 лет назад.

1. Triple trouble bind

Ставки «чубаровского дела» в интересующем нас контексте столкновения левого проекта и феминизма, достаточно рискованны. Преимущественно эту мятую страницу советской истории рассматривают в контексте первых декретов советской власти, отменивших брак, разрешивших аборты, терпимо относившихся к однополый любви и т.д. Якобы именно политика и идеология большевиков (прежде всего Ленина, Льва Троцкого и Александры Коллонтай) привели к угрожающей деморализации, расцвету полового хулиганства и соответственно массовых изнасилований в середине 1920-х.

Показательно, что в официальной советской историографии история эта рассматривалась в контексте борьбы советской власти с хулиганством. Т.е. не с бандитизмом, не с насилием, не с сексизмом и т.д., а с хулиганством – понятием во многом героизированным и романтизированным. История этой романтизации, как и изменение значения этого слова, представляет собой отдельный интерес. В книге «Уголовный розыск. Петроград – Ленинград – Петербург» (глава «Борьба с ленинградскими хулиганами в 1920-е») есть примечательный фрагмент: «Хулиганы нагло и цинично приставали к женщинам, срывали уроки в школах рабочей молодежи, спаивали подростков. Возмущенные рабочие завода «Красный треугольник» в своем письме в «Ленинградскую правду», опубликованном 6 июля 1926 года, потребовали от власти принять срочные меры: «Выжечь каленым железом эту зловонную язву нашего быта, мобилизовать на борьбу со шпаной, с хулиганством общественное мнение, организации, милицию – задача, не терпящая никакого отлагательства. Хулиганства не должно быть нигде в пролетарском Ленинграде!»

Руководство ленинградской милиции хорошо понимало, что одними только репрессивными мерами и силами только правоохранительных органов хулиганство не одолеть. Нужен был хороший повод для начала антихулиганской кампании, в которой смогли бы принять участие все позитивные силы, прежде всего – партийные организации, комсомол, общественность предприятий города, пресса. Такого повода долго ждать не пришлось. Прошло каких-то полтора месяца после письма в «Ленинградской правде», как 21 августа 1926 года в Чубаровом переулке...»⁴.

Под хулиганством уголовный кодекс 1922 года (ст. 176) понимал «озорное бездельное, сопряженное с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам и обществу в целом, действие», а в юридической литературе тех лет оно часто подавалось как «следствие перехода от героического периода революции к периоду ее будней», в котором бывшие революционеры якобы не смогли приспособиться к неблагоприятным условиям переходного периода⁵.

Западные хулигановеды справедливо отмечали, что фигура хулигана в первые годы советской власти претерпела характерную эволюцию от чуждого культурным классам дореволюционной России социопата к социально близкому пролетариату гопнику – «душе любой компании», brutальные проявления которого списывались на старый режим, жертвой которого он якобы являлся⁶. Но «чубаровское дело» положило конец романтизации образа хулигана в советской культуре. Здесь достаточно вспомнить судьбу «озорного гуляки» русской поэзии, покончившего с собой как раз накануне 1926 года, и превращения мифопоэсиса Маяковского от либретто к фильму «Барышня и хулиган» (1918) к «Хулигану» (1926) – агитационно-моралистической реакции на наше дело.

Непосредственно анализирувавший наш кейс американский славист Эрик Найман⁷ рассматривал «чубаровское дело» одновременно в широком культурном контексте эпохи и в узком – внутрипартийной борьбы между сталинской Москвой и зиновьевско-каменевским Ленинградом, которая разворачивалась в условиях НЭПа. Можно разделить с автором упомянутой статьи общую постановку вопроса: «Если обширная газетная кампания была тщательно организована, а именно на это указывает факт сбора тысяч подписей уже в день публикации первого репортажа о преступлении, то кому была нужна эта кампания, и почему «чубаровское дело» вызвало такое количество текстов, преисполненных ужасом? И самое главное: как это преступление соотносилось с социальным дискурсом своего времени?»⁸.

Фигура хулигана-насильника стала камнем преткновения для советской идеологической машины, ибо действительно указывала на тревожную связь с коллективным российским телом и ключевыми паттернами левого проекта. Преступление питерских пролетариев связывали то с наследием царизма, то с капитализмом и НЭПом, то с военным коммунизмом, но самым тревожным и существенным в нем была его автономность, выраженная в коллективном характере преступления, в котором участвовали молодые пролетарии и комсомольцы. Наметился своеобразный *triple trouble bind*.

Справедливо замечание Наймана, что «поводом к этой кампании в значительной мере был не рост молодежной преступности, но партийная

стратегия на увеличение контроля над молодежной средой»⁹. Но еще более интересно его указание на эксплицитно невыраженное сопротивление публичному осуждению «чубаровцев» со стороны ряда журналистов и не имевших права голоса представителей народных масс. Проявлялось оно не только в неявной идентификации с преступниками в речах авторов газетных статей тех лет, защитных показаниях родственников и подруг осужденных, но и в умышленном поджоге завода «Кооператор», на котором работали «чубаровцы», в ночь после объявления приговора¹⁰. Найман делает радикальный вывод: «Изнасилование крестьянской девушки в пространстве города тесно сплоченной группой пролетариев было устрашающим повторением центральной темы военного коммунизма, и следует считать его наказание попыткой преодоления примитивного утопического желания в то время, когда государство, партия и общество продвигались вперед к новым формам жесткого социального контроля». И далее: «Одной из извращенных реализаций пролетарского рая военного коммунизма стало «чубаровское дело» в Сан-Галльском саду. Здесь советская идеология встретила лицом к лицу с преломлением собственных «детских» фантазий и отступила»¹⁰. К этим фантазиям, в частности, относится, по Найману, «коллективное использование женщины группой комсомольцев... что служило укреплению спайки между последними»¹², к которому автор свел смысл сексуальной революции 1910–1920-х годов. В итоге, увлекшись готическими и гомоэротическими коннотациями, американский славист привлек к ответственности за «чубаровское дело» Николая Федорова и Андрея Платонова, эстетику русского футуризма и героическую советскую прозу, в конечном счете связав интертекстом главного обвиняемого по делу Павла Кочергина с Павлом Корчагиным из «Как закалялась сталь»¹³.

Обвинять во всем Октябрьскую революцию, коммунистическую идеологию и левое искусство, привлекая для этого одновременно пример Маркса, Маяковского и Островского, – довольно традиционная славистическая процедура, хотя к чести Наймана надо сказать, что в отличие от интернет-копирастов он исследовал внушительный массив фикциональной, научной и документально-юридической литературы по вопросу и вывел нас к анализу его центральной темы – природы «утопического желания», стоящего за эксцессами группового изнасилования. Наши дальнейшие замечания будут связаны только с характеристикой его как «примитивного» и соответствующей предвзятой генеалогией групповых изнасилований из духа первобытного и военного коммунизма, искаженного НЭПом.

2. Производство хулигана и новая сексуальная политика в СССР

Но почему ни революционное насилие, ни красный террор, ни гражданская война с ее ужасами, а на первый взгляд заурядное дело о групповом изнасиловании питерской шпаной молодой крестьянки стало столь знакомым, поворотным и даже нарицательным? Не логичнее ли рассмотреть этот громкий, хотя и частный эпизод в качестве узла сворачивания сексуальной революции в России в середине 1920-х, ибо он накоротко замкнул реставрационные внутриполитические и культурные процессы раннесоветского периода на пути к тоталитарной эпохе. Мы бы предложили посмотреть на него в логике прецедента Мишеля Фуко, задействованной им, например, в курсе лекций «Les anormaux». Это когда эффект от единичного вроде бы преступления, например, дела Генриетты Корнье, отрезавшей голову дочери своих соседей, рассматривался Фуко в качестве некоего «образца всех прочих дел, относящихся, с небольшими отклонениями, к тому же типу» и «из-за которых приходят в беспокойство и реорганизуются инстанции власти и поля знания» целой эпохи, возникают новые институции и дисциплины (в данном случае – криминальной судебной психиатрии), с далеко идущими эпистемологическими последствиями для гуманитарных наук в целом¹⁴.

Разница здесь состоит в том, что вместо монстра, советская власть произвела в «чубаровском деле» фигуру хулигана как своеобразный политический фантазм, а не юридическую категорию. Но произвела так, чтобы тут же от нее отказаться и забыть, а вместо «анормальных», перевело под подозрение в половой неблагонадежности целый общественный класс и форму его общежития. Другими словами, начатая в середине 1920-х кампания против хулиганов использовала этот прецедент для подавления сексуальной революции в Советской России и реставрации патриархальных институтов, сопровождавшейся установлением тотального контроля над телами и сексуальностью молодой страны. Разумеется, это не означало запрета сексуальных отношений как таковых, а лишь введение нового режима контроля за населением через сексуальность. Под контролем здесь следует понимать не какое-то внешнее слежение или наблюдение, а сам способ общежития в режиме самоконтроля, прежде всего, на уровне речи, высказываний, дискурса. Расцвет законотворчества, вообще юриспруденции, педагогики, медицины и программ общественной гигиены в 1930-е можно рассматривать как очевидные проявления и последствия этих процессов.

Ниже мы попытаемся показать, что «чубаровское дело», затруднения следствия и суда в его оценке, его широкое обсуждение в прессе и книгах хотя и не могли возникнуть без социальной и сексуальной революции, на-

чавшейся в 1917-1918 годах, не были прямым ее следствием. Скорее, само это дело стало одним из запускающих механизмов сворачивания упомянутых революционных процессов. Верно, что оно не могло бы иметь места в таком масштабе без деятельности большевиков, но его собственная генеалогия иная, как и типы сексуальности и коллективности, замыкание которых породило соответствующий акт насилия.

***

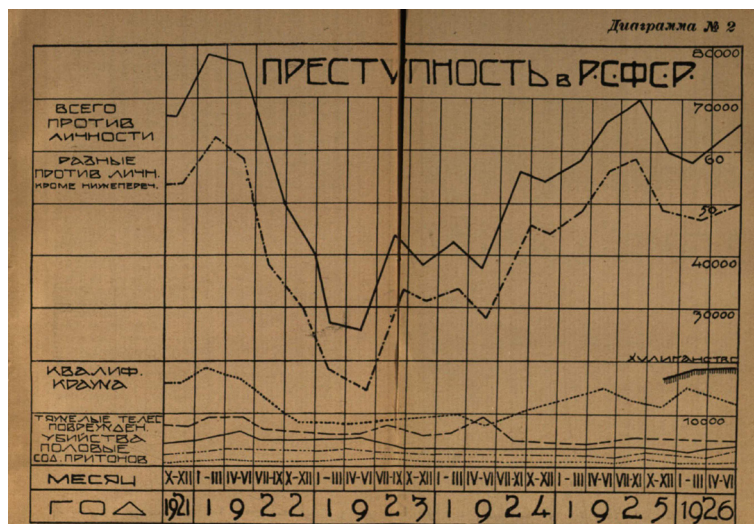
Зададим более широкий социальный контекст, в котором проходил интересующий нас процесс. Можно выделить как минимум три линии становления общественной сексуальности в середине 1920-х: 1) более или менее спонтанное ее развитие, идущее от освобожденных пролетарских и крестьянских масс; 2) декреты и идеологемы, налагаемые сверху большевистскими политиками и теоретиками, предлагавшими радикальные изменения на законодательном уровне, но без подкрепления развитием новых гражданских институций; и, наконец, 3) становящийся советско-сталинский канон, восстанавливающий традиционные представления о сексуальности, семье и месте женщины в обществе, опираясь на сложившиеся до революции ценности и институты.

Эти три пласта поддерживались тремя слоями общества – собственно рабочих и преобладающего крестьянства, старой революционной интеллигенции и нового становящегося бюрократического класса.

Соответствующее членение можно встретить и области литературы и искусства, где народным массам соответствовало движение Пролеткульта; нагнетаемым сверху декретам и теории – политика властей в области культуры и усилия интеллигенции по ее критическому проведению (Троцкий, Ленин, Луначарский, группа «Перевал», ЛЕФ и др.); и наконец, новой бюрократии – сталинская клика «пролетарских» писателей и художников (РАПП и др.), которая должна была, перед тем как погибнуть сама, извести и уничтожить и тех, и других.

Как и в культуре, проблема состояла в отсутствии единства в рядах реформаторов, в идеологических противоречиях и в сталкивающихся политических интересах разных группировок и слоев общества. Историческим фактом является то, что в эпоху военного коммунизма (1918-1921) число случаев сексуального насилия, количество проституток и вообще криминала на сексуальной почве в стране и конкретно в Петербурге существенно снизилось. Новый рост соответствующих показателей в начале НЭПа объяснялся различными обстоятельствами. Но для нас важно только то, что к

середине 1920-х уровень преступности, в том числе на сексуальной почве снизился, и до 1926 года удерживался примерно на одном уровне¹⁵. Более того, властям удалось поставить ситуацию под контроль, а дело «чубаровцев» выглядело на этом фоне как эксцесс¹⁶.

Поэтому его и выводили из усилившегося в те же годы хулиганства, парадоксальным образом покарвав насильников по бандитской статье¹⁷. Что-то здесь не сходится. Газетная шумиха вокруг «чубаровского дела» и вызванный ею общественный резонанс указывали на совершенно иные причины и другой адрес, чем эксплицитно обсуждаемые. На повестке в эти годы, как мы уже сказали, стоял вопрос сворачивания объявленной большевиками в 1918 году сексуальной революции. Помимо декретов, деклараций и желания поставить сексуальность под какой-то «разумный» контроль (у той же А. Коллонтай), массы у старых большевиков поддержки не встречали. Аксакалы революции начали ворчать и запирались, ностальгируя о золотых временах подполья и первых послереволюционных годах. Коллонтай грезил о достаточно абстрактной «любви-товариществе», как-то преодолевающей «похоть и извращения», но не очень понятно как решающей проблему генитальной любви в рабочем коллективе. Молодежь не без издержек тестировала концепцию «стакана воды», а Пролеткульт продолжал бредить об обобществлении женщин и свободном удовлетворении сексуальных потребностей комсомольцев и коммунистов. И лишь будущие сталинисты говорили о знакомых и «спасительных» для народа вещах вро-

де «семьи как ячейки общества» и, в конечном счете, победили. Особняком стоят «сексуальные» проекты избранных писателей, тяготевших и отталкивавшихся от ЛЕФа Маяковского, вроде С. Третьякова («Хочу ребенка», 1926) или А. Платонова («Антисексус», 1926). При всей своей ироничности оказать сколько-нибудь заметного влияния на ситуацию они не могли.

В «чубаровском деле» происходит встреча и короткое замыкание систем власти и систем знания, до того разделенных (как в классическую эпоху XVIII-нач. XX вв., которую исследовал в «Аномальных» Фуко): возьмите, с одной стороны, тексты Коллонтай, отдельные высказывания на эту тему Ленина и Троцкого, с другой – неписанные традиции народа (с групповыми изнасилованиями и проституцией), а с третьей – развитие физкультуры, спорта и общественной гигиены. Все они были до этого разделены. Но после этой встречи выжить удалось не всем.

Вильгельм Райх в своей известной книге «Сексуальная революция» (1934)¹⁸ подробно описал процесс приостановки реформ в сфере сексуальной политики и сексуального образования, проанализировав его причины и последствия: сексуальность была законодательно освобождена, но так же, как в области искусства, последовательной политики в области изменений коллективной чувственности не проводилось – власти довольствовались экономическими реформами и имущественными изменениями, а в условиях возвращения классового неравенства (НЭП) и давления соответствующего законодательства, социально-психологический аспект был упущен, обратное воздействия сексуальной энергии масс на производственно-экономический базис не учитывалось, а просто подавлялось. Этим во многом и объясняется разбираемый здесь эксцесс. Райх написал об этом достаточно исчерпывающе: «Неприспособленность сексуальных структур людей к коллективной форме бытия приведет к негативным реакционным результатам, а попытки осуществить это приспособление с помощью авторитарных моральных требований потерпят фиаско»¹⁹. Вся дальнейшая политика советского руководства в области сексуальности стала подтверждением этого прогноза знаменитого сексолога.

3. Правоустановление или правоподдержание: обструкция коллективной чувственности

В условиях уже функционирующего правового государства с «чубаровцами» по сути разобрались по законам военного времени, только формально оставаясь в правовом поле.

Об этом говорит сам приговор суда – смертная казнь основных фигурантов дела и большие сроки остальным. Новой технологией стало здесь осуждение насильников согласно специальному постановлению Совнаркома и ведомственному циркуляру по «похожей» статье, а не по прямому преступлению, предусмотренному ст. 169 УК²⁰ – т.е. квалифицировать его как «хулиганское нападение, совершаемое бандитским скопом по предварительному соглашению» согласно статьям 10 и расстрельной 76 ч. 1 статьи УК РФ²¹.

Важно отметить, что хотя этот процесс и можно назвать прецедентом, но не в отношении формы права, а скорее содержания и технологии его отправления, судопроизводства и модели взаимодействия власти с массмедиа и обществом, которые в 1930-х успешно использовались уже по политическим делам. Ключевую роль здесь сыграли как раз журналисты и мобилизованные ими рабочие коллективы, десятками тысяч подписей высказавшие свое возмущение и требовавшие смертной казни для насильников. Этот опережающий само событие кумулятивный эффект медиа хорошо знаком современникам, но то, что он был успешно апробирован уже в середине 1920-х, известно не всем. Давление на суд представлялось тогда чем-то вроде демократической, правоустанавливающей процедуры. Но тем самым признавался статус правоустанавливающего насилия и со стороны самих «чубаровцев», какое-то право на него.

По 76-й статье УК РФ их преступление квалифицировалось, в частности, как «содержащее угрозу советской законности». Интересно, что общественный обвинитель на суде подтвердил в своей речи беньямино-фукольдьянское предположение, что право преследует преступников не за преступления, а за тот вызов, который они бросают государству и его правопорядку: «Политический смысл «чубаровского процесса» именно в том, что советский суд борется *не столько с «чубаровцами», сколько с «чубаровщиной»*, что советское общество требовало высшей меры социальной защиты против тех, кто напал на него и нанес ему чувствительный удар»²².

Рассмотрение этого дела в милитаристских терминах ставило вопрос о том, что это за битва и на кого же в результате было совершено нападение. Тот же обвинитель указывал здесь на «рабочую семью», «рабочий район», «советский правопорядок», «устой советского общества» и «свободную женщину пролетарского государства» (там же). Но в этом списке не упомянуто о возрожденном к середине 1920 годов классовом обществе и его становящемся государстве – юридической и карательной системе власти, которая воспользовалась «чубаровским делом» для того, чтобы наказать не самих преступников, а произвести подходящее для новой системы понима-

ние преступления и апробировать способ отправление наказания за него, под которые можно было подогнать теперь что угодно.

При этом сами насильники могли быть в реальности кем угодно – извращенцами-садистами, дегенератами, просто гопниками – внутри этой истории они перестали быть самими собой. Хулиганы фактически выступали не в собственных ролях – освобожденными пролетариями и распоясавшимися хулиганами в условиях непролетарского общества и, по факту, несоциалистического общественного производства. То, что они представляли собой угрозу для новой власти, – несомненно, но признание этого и реальное возмездие за преступление были совершенно несоизмеримы. Ибо ставки этого приговора находились в совсем иной плоскости.

В глазах большого общества хулиганы были носителями неподчиненной коллективной энергии, которую теперь, как «всем стало ясно», необходимо было поставить под неусыпный контроль уголовной, педагогической, психиатрической и прочей власти, а в этом своем качестве коллективности – и вовсе уничтожить²³. Рабочий класс якобы нуждался теперь в постоянном контроле над сексуальностью со стороны государства, чиновничества, милиции, психологов, педагогов и целой компании журналистов. Не принадлежащая более никому органично коллективная чувственность выступала теперь негативным альтернативным стандартом общежития, через страх перед которым стало возможным шантажировать и держать под контролем всех членов общества.

Итак, осужденные по «чубаровскому делу» получили приговор не за совершенное преступление, а за попытку присвоения права определять сексуальные практики в альтернативных существующему государственному порядку формах и режимах. Но сами эти формы не были ни коммунистическими, ни пролетарскими ни с той, ни с другой стороны. Соответственно и власть осудила и покарала не само преступление, а тот возможный интерес, которым оно было продиктовано.

Как говорил Фуко: «Кара вовсе не способствует искуплению содеянного, разве что метафорически. Кара вовсе не аннулирует преступление, ибо оно существует. Аннулированию, искоренению может быть подвергнуто другое: всевозможные механизмы заинтересованности, которые побудили на это преступление его виновника и которые могут побудить на подобные преступления других»²⁴. Только место фукольдианского безумия и аномальности структурно занимают у нас сексуальная чувственность и коллективность как таковые. Речь соответственно идет о становлении аномальных-хулиганов, как всех тех, кто должен быть социально конт-

ролируем в виду той страшной опасности и вреда, который могла нанести Стране Советов освобожденная коллективная чувственность.

Главном результатом «чубаровского дела» стало осознание неоднородности, нецельности и как следствие необразцовости пролетариата, обусловленное возможностью нарушения им фундаментальных законов человеческого общежития, несводимых к новым советским законам. Разумеется, подобные вещи были известны и ранее (бунт левых эсеров, восстание моряков в Кронштадте и т.д.), но тогда они списывались на инерцию прошлого, происки врагов коммунизма или вообще случайность, помрачение ума отдельных граждан. Но эти случаи не были связаны со сферой сексуальности и с политикой советской власти по половому вопросу. Последняя в то время еще однозначно не определилась в своей позиции, и шанс на становление чего-то принципиально нового в сексуальной сфере оставался до середины 1920-х. Но теперь все меняется: реакция торжествует на всех уровнях: закрываются пролетарские коммуны и объединения свободной любви, а за счет «чубаровского дела» сама советская власть как бы во второй раз конституируется в качестве государственной, теперь в отношении сексуальности. Выбор власти, который вторично легитимируется за этот счет, предсказуем – это возвращение к традиционным семейным ценностям, одобренное революционной фразеологией.

Мы приходим к выводу, что заодно с насильниками, но на совершенно другом уровне и в невиданном масштабе, в «чубаровском деле» была приговорена и подверглась обструкции линия развития коллективной сексуальности, что явилось следствием упомянутой институциональной трансформации. Одновременно можно говорить и о трансформации в области знания: постепенно в сфере сексуальности сформировался новый режим власти-знания²⁵. Процесс проходил над группой молодых рабочих-хулиганов, а целил в сексуальное тело и свободу всего класса. При этом была совершена характерная подмена, так как изнасилование это имело совершенно другую этиологию, идущую от групповых изнасилований русского народа, военного насилия, погромов и коллективных расправ.

4. Подмены коллективной чувственности: «групповуха»

Именно из намеченного горизонта мы предлагаем рассматривать и оценивать в современности «чубаровское дело», омерзительный характер которого не позволяет нам приблизиться к его позитивному пониманию – запрещенного удовольствия, которое тем не менее до сих пор продолжает проникать и тревожить нас через литературные образы и поры языка.

Здесь открывается более сложная и опасная тема массового изнасилования и связанного с ним избыточного и непредставимого желания, коллективный субъект которого не имеет голоса и лишен каких-либо прав. Между тем в условном «народе» формы такой сексуальности и практики соответствующего ей насилия выживают, лишь иногда проявляясь в свидетельствах очевидцев, материалах подобных «чубаровскому делу» процессов и криминальном фольклоре. На него указывает в частности выражение, которое может иногда услышать и условно интеллигентный, культурный человек: «бабу ведут», «там баба всем дает» и т.п.

Как называется массовое изнасилование в России? У него нет специального названия. Но есть его облегченная версия – «групповуха» (групповой секс, изнасилование «скопом»), в которой границы добровольного и насильственного стираются, а насилие часто выходит из берегов, стирая вообще все различия: половые, возрастные, национальные, социальные и пр. («Хрусталева, машину!»), как первый, приходящий на ум пример).

Все, что у нас осталось от истории с чубаровцами, – это письменные рассказы, ведущиеся в основном от лица власти, плюс показания потерпевшей, свидетелей, скупые и противоречивые оправдания осужденных²⁶. Вся эта история в целом находится в цельной, практически неразрывной оболочке идеологического нарратива, какого-то мифологического рассказа, в котором стороны добра и зла заранее и четко определены. Но если отнестись к ним в логике Рене Жирара²⁷, не для того, чтобы кого-то оправдать или осудить, а чтобы выйти из исключительно юридической оптики и проанализировать сам этот рассказ в контексте воспроизводящихся в каждую эпоху механизмов исключения и учредительного коллективного насилия, становится ясно, что знаем мы о самом феномене и сущности этого массового изнасилования очень мало, и в основном с чужих слов – юридических определений и медицинских заключений, полицейских протоколов и судебных приговоров. Закрадывается подозрение, что на выходе события эти были подвергнуты ряду искажений, маскирующих нечто более странное и чудовищное. Но стоит взглянуть на них немного из другой перспективы, мы сразу попадаем в сумеречную область *Unheimliche*, одновременно интимно-личную, бессознательно знакомую и предельно чуждую, тревожную и жуткую, в итоге – зловещую.

Я имею в виду зону, в которой каждый из нас подвергался, был участником или сам участвовал в коллективном насилии, ответственность за которое перераспределялась между всеми членами группы, даже если мы сами в нем активно не участвовали, а были только его свидетелями или даже жертвами. Я имею в виду не только уличные драки или нападения,

участия в военных действиях, но и ставшие уже рутинными, но не менее насильственными навыки выживания в большом городе, в рабочих и профессиональных коллективах, и даже в семье перед телевизором. Ясно, что кванты насилия мультиплицируются и перераспределяются там настолько часто, множественно и запутанно, что могут быть в итоге приняты за нечто себе противоположное. Но насилие остается самим собой, выживает в любом сообществе и ситуации, и это позволяет нам до сих пор понимать друг друга. Насилие миметично, заразительно, и это означает, что даже будучи его жертвой, или перепоручая ответ на него третьим лицам или государству, мы не оказываемся вне его ауры, не избегаем ответственности за ответ на него с их стороны. И никакие ссылки на вечно изменяющееся, завязанное на том же насилии, протитуированное право на этом уровне не работают.

5. Феминизм и коммунизм: еще одна не-встреча

Заданная перспектива бросает новый свет на поведение чубаровцев – их показания на следствии, речи в суде, содержащие в частности искреннее непонимание, в чем состояло их преступление. А обвиняемые не понимали, в чем была проблема – «девка-то осталась жива». Характерно, что и линия защиты концентрировалась на квалификации дела как изнасилования совершенного группой лиц, за которое по текущему законодательству фигурантам полагалось максимум 3 года.

Понятно, что преступление чубаровцев выглядело неслыханным и чудовищным, но за счет чего? Прежде всего за счет количества насильников (до 40 человек) и цинизма их действий. Когда у одного из насильников спросили: а если бы 100 человек насильничали женщину, он ответил: «Раз за плату договорились, то можно»²⁸. Какое отношение это имело к коллективной чувственности доисторического прошлого или военному коммунизму? Скорее, здесь задействовалась уже упомянутая, воспроизводящаяся в каждую эпоху гонительская структура, замешанная на коллективном учредительном насилии и ежедневных практиках исключения, только оправдывающая себя ссылкой на рыночные отношения. Причиной изнасилования был не коммунизм, а насилие, связанное, скорее, с патриархальной традицией, в которой женщина рассматривалась как подчиненное, бесправное существо, обязанное исполнять прихоти мужчины и т.д. В помянутой коллективности этого действия отталкивает как раз вывороченная наизнанку коммунистическая идея коллективной чувственности и, прежде всего, потому, что девушка ничего не чувствовала, находясь большей частью без сознания. Насильники только иногда приводили ее в чувство пинками, чтобы она могла

молить их о пощаде. К какому типу сексуальности это имело отношение? Едва ли здесь вообще шла речь о каком-то сексе и удовольствии от него.

Наконец, лиговские хулиганы почему-то рассчитывали, что девушка не обратится в милицию, что она примет эти действия как нечто должное. И действительно, обращений по случаям изнасилования в те годы было немного, хотя молва разносила, что аналогичные преступления насильников имели место постоянно. Насильники действовали как власть, применяя насилие в перспективе коллективного учреждения адекватных им общественных отношений, покрывая друг друга, и уверенные в собственной безнаказанности, вернее безответственности.

Но они проиграли, ибо фигура женщины, невесть откуда понаехавшей в Питер крестьянки не вписалась в то право и государство, которое они хотели этим актом учредить. А их насилие не перешло ту черту, за которой оно становится священным или легитимным, мифологическим или государственным. Оно было слишком слабым.

Сила была на другой стороне. Ключевую роль в этой истории сыграло внезапно зародившееся правосознание Любви Б. Здесь и можно зафиксировать тот ключевой для нашей темы аспект, который показывает всю запутанность отношений левого и феминистского дискурса. То есть и не левого, и не феминистского. Роль феминизма, открывшаяся в этом деле, артикулировавшая его, ибо именно на показаниях потерпевшей строилось все дело, вскоре вернуло ситуацию в дореволюционное состояние. Риторика общественных обвинителей концентрировалась на том, что преступление «чубаровцев» представляет собой синтез покушения на советский правопорядок и нарушения «половой неприкосновенности женщины». И хотя тот же тов. Рафаил заявлял, что в отличие от буржуазных законов, которые карают за насилие «во имя семьи и устоев буржуазного режима...», советское правосудие карает, чтобы охранить женщину, гражданина и человека, будь то Любовь Б-ва, будь то проститутка» (с. 28), его дальнейшие иезуитские конструкции показывают, что «устои», только советские, все же были для обвинения в приоритете: «в этих сухих цифрах изнасилования – не только насилие над телом женщины, но и над будущим работницы. И если мы это здесь говорим, то не из желания отяготить именно этим участь подсудимых, именно ссылкой на то, что Б-ва – женщина-работница, что она женщина, которая стремилась к тому, чтобы получить образование и стать квалифицированной полезной гражданкой Советской Республики. Нет, товарищи судьи, я считаю нужным подчеркнуть, что если бы на месте Б-вой, которая вызвала всеобщие симпатии, которая нашла глубочайший отклик и у сидящих на скамье защиты, была бы загнанная, измызганная прости-

тутка, то в наших глазах социальная опасность этого деяния, как такового, ни на минуту не уменьшилась бы, ибо прежде всего здесь – игнорирование советского правопорядка»²⁹. Кстати, с последним утверждением не вяжется дотошное опровержение следствием и обвинением версии защиты – добровольного согласия и протититуированных, товарных отношений «чубаровцев» с потерпевшей.

Все это подводит нас к выводу, что суд осудил «чубаровцев» не за их преступление, а за вызов, который они бросили советскому государству и закону. Короче говоря, осужден был не сам акт сексуального насилия, а слишком опасное подобие насильников государству. Прокурор Ленинградской губернии тов. Крастин даже не скрывал этого при обосновании применения «высшей меры социальной защиты»: «Нужно ли говорить, что в этом процессе основным преступлением является не изнасилование гражданки Б-вой, хотя совершенно ясно, что произошло насилие над женщиной»³⁰. Из его заключительной речи можно видеть, на какие юридические уловки пришлось пойти обвинению, а именно приписать зачинщикам не только сговор, но и участие в ОПГ, почти террористической организации, имевшей целью «преступление против порядка управления», чтобы вынести смертные приговоры³¹. Но в результате сам феномен, практика коллективного насилия, его технология и психология ускользнули от судебных, вернее, они в ужасе отшатнулись от него, ввиду его экстремального подобия природе той власти, от имени которой они его и осудили. Появление нового УК в конце 1926 года как бы уже выносило этот случай за скобки истории, как уходящую в прошлое натуру, неподсудную, потому что уже не существующую³². Но одновременно с расстрелянными «чубаровцами» была дезавуирована и тема свободной коллективной сексуальности, при том что сами по себе групповые изнасилования продолжались и продолжают по сей день.

---

¹ По материалам выступления на международной конференции «Несогласие феминизма и марксизма в бывшем СССР» в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина, Харьков 20 мая 2017 года.

² Цит. по: Чубаровщина. По материалам судебного дела (М.-Л.: Государственное издательство, 1927), с. 14.

³ Ср. напр.: <https://www.proza.ru/2012/10/15/1182>; <http://photozone-t.livejournal.com/14928.html>; <http://tainy.net/7821-russkaya-seksualnaya-revolyuciya.html>.

⁴ См.: <http://statehistory.ru/679/Borba-s-leningradskimi-khuliganami-v-1920th>.

- ⁵ См.: Бугайский Я. «Хулиганство», *Молодая гвардия*, 1926, № 12.; *Хулиганство и преступление*. Сб.ст. (Л.-М.: «Рабочий суд», 1927), с. 41.
- ⁶ Ср.: Neuberger, J. *Hooliganism. Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914* (Berkeley: University of California Press, 1993).
- ⁷ Найман, Э. «Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание», *Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино* (СПб.: Академический проект, 2002).
- ⁸ Там же, с. 56.
- ⁹ Там же, с. 58. Найман указывает, ссылаясь на статью криминологов В.А. Внукова и А.О. Эдельштейна «О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений» (в сборнике «Правонарушения в области сексуальных отношений». М., 1927), что в 1927 году «из 167 дел по изнасилованиям, рассмотренных Московским уголовным розыском за предшествующие три года, только тридцать три приговора были вынесены группам преступников, большинство которых насчитывало только двух человек».
- ¹⁰ Сам Найман почему-то объясняет этот пожар попыткой символического «самоочищения НЭПа от врожденных недугов». Там же, с. 76.
- ¹¹ Там же, с. 74, 76.
- ¹² Там же, с. 71.
- ¹³ Там же, с. 75-77.
- ¹⁴ См. рус. пер.: Фуко М. *Ненормальные* (СПб., 2004), с. 144 и сл.
- ¹⁵ Ср. напр.: *Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны*. Яров С.В. и др. (М., 2013), с. 133 и сл.
- ¹⁶ Ср. также доклад Н.В. Крыленко на диспуте о хулиганстве 25 октября 1926 года в Ленинграде: «В 1926 году хулиганство дает скачок вверх, а общая преступность – вниз. Таким образом, говорить о хулиганстве и об общей преступности, как об одном и том же явлении, нельзя... Эти диаграммы утверждают, что хулиганство есть специфическое явление, которое имеет свою историю, свою линию роста, и его не должно смешивать, как не имеющее ничего общего, с убийствами, изнасилованиями, грабежами и т.д.». См.: *Хулиганство и преступление*. Цит. изд., с. 18.
- ¹⁷ Тот же Н. Крыленко, пытался «развенчать представление о хулиганстве как о социально опасном явлении наряду с убийствами, изнасилованиями, грабежа-

ми» (Цит. изд., с. 19), одновременно признавая его по-своему опасным и практически инициировав расстрел «чубаровцев» по 76 статье УК.

- ¹⁸ Райх В. *Сексуальная революция*. Перевод с нем. В.А. Брун-Цехового. Под ред. В.П. Наталенко, (СПб.-М.: «Университетская книга», АСТ, 1997), http://www.psychol-ok.ru/lib/reich/sr/sr_22.html.
- ¹⁹ См. там же: http://www.psychol-ok.ru/lib/reich/sr/sr_32.html.
- ²⁰ Статья 169 УК ред. 1922 года гласила: «Изнасилование, т.е. половое сношение с применением физического или психического насилия, или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет».
- ²¹ Статья 76 УК РФ ред. 1922 года: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично – сопровождалась за эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась, карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением по смягчающим обстоятельствам понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества».
- ²² См.: *Чубаровщина*... Цит. изд., с. 8.
- ²³ Ср. речь общественного обвинителя М. Рафаила (sic!): «Теперь страна перешла на рельсы мирного строительства. Мы обсуждаем вопрос о браке и семье, мы строим новый быт, и в ответ на насилие и нападение на советский правопорядок пролетариат, советский суд должен сказать: «Смерть этим насильникам, смерть врагам революции»... В этом процессе во всей резкости поставлен вопрос: кто будет влиять на воспитание нашей молодежи. Поведут ли ее пропойцы, уголовники патентованного типа... или эту молодежь поведет советское общество». Цит. по: *Чубаровщина*. Цит. изд., с. 24.
- ²⁴ См.: Фуко М. *Ненормальные*. Цит. изд., с. 144.
- ²⁵ Кстати, под его обаяние – репрессивную модель понимания сексуальности, равно попадали и ранние эмигрантские авторы, и современные западные исследователи, дезавуировавшие проблематику сексуальной революции в России, не видя ничего позитивного в коллективности и сексуальной свободе. Так, в издаваемой в 1920-х в Берлине эмигрантской газете «Дни» была напечатана статья о «чубаровском деле» с характерным названием «Колонтаины дети». А уважаемый Э. Найман в разбираемой статье вольно или невольно осудил любые фантазмы коллективной чувственности (задев по ходу и гомоэротизм) в

пользу каких-то естественных законов, права государства и ценности консервативного общества. Цит. изд., с. 67-73 и др.

- ²⁶ Любопытные статистические данные по анкетам 25 осужденных по делу приводятся в уже упомянутой книге 1927 года «Хулиганство и преступление» (с. 153-168).
- ²⁷ Ср.: Жирар Р. *Насилие и священное* (М.: НЛЮ, 2010).
- ²⁸ См.: Чубаровщина... с. 25.
- ²⁹ См.: Там же, с. 57.
- ³⁰ См.: Там же, с. 58.
- ³¹ См.: Там же, с. 59-62. Неслучайно сам Крыленко назвал эту схему «последним скорпионом», из «тех, которые в данное время находятся в распоряжении государственной власти и которые она пустит в ход против хулиганства в городе». Хулиганство и преступление. Цит. изд., с. 32.
- ³² Э. Найман упоминает, что вошедший в силу конце 1926 года новый УК также не применялся при вынесении приговора по «чубаровскому делу», хотя имел статью за групповые изнасилования, каравшую сроком до 8 лет: «Это изменение утвердило статус «чубаровского дела» как единственного в своем роде, но не составившего прецедента для последующих судебных решений». Цит. изд., с. 78.